

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

**КУЛЬТУРА:
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ**

**Москва
НАУКА
2015**

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА*

28 ноября 2006 года исполняется 100 лет со дня рождения академика Д. С. Лихачева. Согласно Указу Президента РФ В. В. Путина, 2006 год в нашей стране объявлен Годом гуманитарных наук, культуры и образования — Годом академика Д. С. Лихачева.

Будучи Почетным членом Российской академии образования, Д. С. Лихачев своим вкладом в развитие образования и культуры в нашей стране фактически стал и ее действительным членом. В самом этом факте уже отражено особое значение Д. С. Лихачева для отечественной педагогики. Вместе с тем, как это ни парадоксально звучит, мы еще недостаточно хорошо знаем Лихачева. Осмысление его научного и нравственного наследия только начинается.

В чем конкретно заключается вклад Д. С. Лихачева в образование? При всей простоте вопроса ответить на него нелегко. В современных справочниках можно прочесть о том, что Дмитрий Сергеевич — филолог и историк культуры, общественный деятель, что он «создал культурологическую концепцию, в русле которой рассматривал проблемы гуманизации жизни людей и соответствующей переориентации воспитательных идеалов, а также всей системы образования как определяющей общественное развитие на современном этапе». Там же говорится о его трактовке культуры не только как суммы нравственных ориентиров, знаний и профессиональных умений, но и как своего рода «исторической памяти». С культурой Лихачев тесно связывал понятие интеллигенции, посвящая нравственным проблемам ряд специальных книг и статей.

Все это верно. Но с позиций современной педагогической науки — явно недостаточно. Невероятно, но факт: «по Лихачеву» практически не было научных исследований в нашей отрасли. Но практика настоятельно требует таких работ.

В преддверии юбилея писатель Даниил Гранин выдвинул идею проведения 1 сентября 2006 года уроков Лихачева во всех школах страны. Вместе с Даниилом Александровичем мы обратились с письмами к главам субъектов Российской Федерации, предложив им прислать в Санкт-

* Печатается по тексту статьи в журнале «Педагогика» (2006): см. № 59 Библиографического указателя.

Петербург на ежегодные майские Международные Лихачевские научные чтения лучших учителей регионов — с тем, чтобы мы могли предложить педагогам методики проведения таких уроков. Предполагалось, что, вернувшись в регионы, эти учителя распространят их на местах.

Группа ведущих ученых нашего города, собранная Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева, создала под руководством члена-корреспондента РАО О. Е. Лебедева интереснейшие методические разработки Лихачевских уроков. Центральная их идея — посвятить урок конкретному человеку, имя которого стало символом нравственных ценностей. В этих рекомендациях представлены размышления авторов о возможных вариантах уроков, о проблемах, которые могут быть на них рассмотрены. Наше с Д. А. Граниным обращение вызвало у губернаторов неожиданно активный отклик: на Чтения приехали учителя, представлявшие около 60 регионов России.

Свидетельством востребованности педагогического наследия Д. С. Лихачева является и большой успех изданий ряда коротких эссе, философских стихотворений в прозе, размышлений и отдельных записей академика, предпринятого специально для школ страны председателем Российского детского фонда, академиком РАО, писателем А. А. Лихачевым.

Разумеется, все эти скромные действия абсолютно не соответствуют общему масштабу лихачевского наследия и его научно-педагогическому потенциалу. Очевидно, что в определенной степени решение данной проблемы сдерживается отсутствием полного академического собрания сочинений Д. С. Лихачева. Уже в 1966 году библиография его трудов включала более 400 наименований, а к началу 1990-х годов их число превысило 1500.

До последнего времени сказывалось и недопонимание сути публикаций Дмитрия Сергеевича. Дело в том, что академическое признание было получено им первоначально в сфере литературоведения. Все его прочие работы долгое время относились к сфере не столько науки, сколько общественной деятельности, публицистики. Сегодня это представляется ошибочным. В конце первой половины XX века стал очевиден историзм лихачевского литературоведения. В 1950-е годы, по мнению коллег Дмитрия Сергеевича по Пушкинскому Дому, уже можно было говорить об изучении культуры прошлого и умении ощущать ее эстетические и моральные ценности как свойстве научной школы Лихачева. То есть Лихачев в литературоведческих работах проявлял себя видным историком культуры. На рубеже тысячелетий академика начинают называть культурологом, имея в виду его вклад в исследование не только истории, но и теории культуры. Современный анализ работ Д. С. Лихачева, проведенный у нас в университете, позволяет говорить о Дмитрии Сергеевиче как о выдающемся культурологе XX века. Несмотря

на сложные отношения академика с философским «цехом» гуманитарных наук, сегодня трудно не заметить возрастание интереса к соответствующим аспектам его трудов. Один из крупнейших отечественных философов, академик А. А. Гусейнов пишет о «философской природе» мышления ученого, а английский славист, профессор Р. Милнер-Гулланд утверждает, что Д. С. Лихачев «является самым значительным из постгегельянских мыслителей».

Очевидно, что на повестке дня — аналогичный процесс в рамках педагогической науки. Нам следует дополнить оценку его литературоведческих работ и нравственного значения его публицистики исследованием и выявлением его научного вклада в педагогику. Лихачев среди нас — свой. Но эта общность академика с педагогическим сообществом (я имею в виду и учительство, и вузовскую интеллигенцию, и ученых Академии), скорее интуитивная, нежели обстоятельно осмысленная.

Однако во всех своих человеческих, личных, общественных ипостасях Д. С. Лихачев остается прежде всего ученым. В своем подходе к науке он не является типичным для нашего времени исследователем научных проблем, то есть его нельзя отнести к категории специалистов, которые путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления, а затем переходят к следующему. Общегуманитарная теоретическая подготовка академика столь высока, что скрупулезное обоснование своих научных суждений, использование стандартных, общепринятых в науке технологий изложения своих мыслей для него является излишним. Его публицистические тексты не наукообразны по форме и высоконаучны по содержанию.

Отечественной педагогике необходимо определенно выяснить, что в научных воззрениях Д. С. Лихачева является традиционным, и что — новаторским. Необходимо вычленив суть его воззрений из публицистики и логично, последовательно описать в контексте истории педагогических учений. К примеру, возьмем его книгу «Школа на Васильевском», написанную в соавторстве с Н. В. Благово и Е. Б. Белодубровским. В первых же строках читаем: «Главная цель средней школы — воспитание. Образование должно быть подчинено воспитанию. Воспитание — это в первую очередь прививка нравственности и создание у учащихся навыков жизни в нравственной атмосфере. Но вторая цель, теснейшим образом связанная с развитием нравственного режима жизни, — развитие всех способностей человека и особенно тех, которые свойственны тому или иному индивидууму». Понятно, что авторская позиция целиком лежит в русле традиций отечественной педагогики, и хорошо известно — каких.

Но целый ряд других публикаций академика требует значительно больших усилий для анализа. Назову, к примеру, «Раздумья», «Письма о добром», «Я вспоминаю». В них Д. С. Лихачев выступает в роли,

схожей во многом с ролью крупного педагога-практика. Может быть, здесь уместно сравнить его с А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинским. Уровень лихачевского монолога столь высок, что, кажется, урок ведет сама Истина или Господь Бог (как кому нравится). На первый взгляд просто непостижимо, как в этих текстах важнейшие для воспитания человека истины проходят как бы непосредственно в душу читателя, минуя всевозможные наслоения и препятствия, столь свойственные нашей педагогической практике.

Вместе с тем очевидно, что абсолютно все компоненты этого урока могут и должны быть подвергнуты теоретическому и методическому анализу. Например, очень интересно, что в целом ряде публикаций академика педагогическая система воспроизводится и рассматривается как бы глазами объекта воспитания, ученика. Только ученик этот постепенно стал и субъектом самовоспитания, вырос в крупную личность, состоялся в семейной жизни, сфере частных межличностных отношений, общественной жизни, профессиональной деятельности и получил во всех этих сферах заслуженное признание. Теперь, представляя собой своего рода идеальный педагогический результат, данный объект воспитания может проследить, как происходило его становление и развитие в качестве самостоятельной личности, как работали те или иные педагогические системы, что мешало ему на жизненном пути и что помогало, какую роль играли различные компоненты педагогических систем, социально-культурная среда и т. д.

Такой ретроспективный анализ, проводимый академиком, с учетом уникального научного аппарата неизбежно дает и уникальные результаты. Данную ситуацию можно рассматривать как удивительный педагогический эксперимент, который поставила сама судьба ученого, предоставив ему же возможность фиксации и анализа результатов.

Почему жизнь Лихачева сложилась именно так, а не иначе? Что в ней было случайно, а что закономерно? В какое время, под каким влиянием и какие ценностные ориентации у него сформировались? Кто был для него идеалом? Какие педагоги, какие персонажи истории, кто из окружавших личностей оказывал влияние? Что из содержания процесса обучения воспринималось в конце жизни как наиболее важное и почему? Как обучение Лихачева было взаимосвязано с его воспитанием? Мы можем задавать себе эти и другие вопросы и получать на них, изучая труды Дмитрия Сергеевича, вполне конкретные ответы, обогащающие педагогическую науку. Этот аспект лихачевского наследия также ждет своих исследователей.

Работы Д. С. Лихачева должны сыграть свою роль и в переосмыслении неких фундаментальных постулатов и проблем образования. Стремительные перемены реальности, динамично обновляющийся жизненный контекст деятельности педагога требуют систематической сверки

наших позиций с жизнью. Разумеется, фундаментальные ценности, выработанные в ходе всего развития человечества, меняются мало. Чего нельзя сказать об особенностях их звучания на различных этапах общественного развития и конкретных педагогических технологиях воспитания этих ценностей в новых поколениях воспитуемых.

Интереснейший материал для исследователя — собственные гуманитарные взгляды Д. С. Лихачева. Вся мировая история может, по его мнению, рассматриваться как история вызревания и прорастания из глубин бытия Человеческого начала. Может быть, именно Человеческое начало является главным предметом разносторонних исследований самого Дмитрия Сергеевича на протяжении всей его жизни. Эта тема пронизывает абсолютно все его публикации, озаряя их особым внутренним светом. Но этот феномен лихачевского наследия не изучен и не описан надлежащим образом. И если считать Дмитрия Лихачева в широком смысле слова педагогом, то, помимо оценки «великий», следует добавить определение «гуманист». Возможно, проблема гуманизма — главное, что вообще двигало и направляло научные интересы ученого. Гуманизм просвечивал во всем, что бы Дмитрий Сергеевич ни исследовал: литературу, живопись, зодчество, религиозно-философские взгляды писателей Древней Руси, творчество Ф. М. Достоевского, феномен и судьбы российской интеллигенции и т. д. Гуманизм был интересен Лихачеву при исследовании зарождения и развития культуры, в анализе трансформаций литературного творчества и т. д. И уж, разумеется, эта тема волновала его в работах, напрямую связанных со становлением человеческой личности. Что такое гуманизм и как его взрастить «по Лихачеву» — предмет особого интереса педагогической науки.

Член-корреспондент РАО О. Е. Лебедев посвятил данной теме публикацию «Уроки Лихачева для детей и взрослых». В частности, наш коллега пишет: «Тысячи школьных уроков не сводятся к занятиям по математике и физике, литературе и истории, биологии и другим учебным предметам. Это уроки отношения к миру, к природе, к ценностям культуры, к людям. Сейчас началась работа над созданием нового поколения стандартов для общеобразовательной школы. В связи с этим возобновились дискуссии относительно главных результатов школьного образования. В ходе одной из таких дискуссий была высказана верная, на мой взгляд, мысль о том, что главным результатом образования, полученного в школе, надо считать способность ее выпускников различать добро и зло».

По Лихачеву, совесть — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Размышляя о ней, академик утверждает: «Совесть принуждает, но принуждение совести является гарантией его (человека) полной свободы, потому что совесть

принуждает изнутри, все остальные принуждения приходят извне: партийные, классовые, какие угодно другие».

Источником нравственного образования человека является освоенная им гуманитарная культура, источником образования — культура в целом. Если вдуматься в смысл слов «общее образование», то можно его представить как образование, которое объединяет людей общими представлениями о ценностях культуры. В связи с этим можно предположить, что магистральный путь дальнейшего развития образования лежит в направлении усиления его культурологической составляющей, несущей в себе интегрирующее различные предметы гуманистическое начало. В данном плане методологический вклад Лихачева в образование очень важен. И здесь открывается широчайший фронт работы для педагогической науки.

Прежде всего, на мой взгляд, заслуживают изучения воззрения академика на общий процесс культурной преемственности поколений. Образование как социальный институт общества является именно институтом культурной преемственности. Для понимания природы этого института очень важна адекватная оценка учения Д. С. Лихачева о культуре.

Скажем, принципиальное значение имеет представление академика о европейском характере российской культуры. Кто мы в культурном плане: Европа, Евразия или абсолютно самостоятельная, самобытная культура? Рассматривая Россию в мощном потоке мирового процесса развития цивилизаций, Д. С. Лихачев неизменно отрицает любую попытку говорить о русско-славянской исключительности. Русская культура всегда была по своему типу европейской и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе. При этом главными особенностями русской культуры являются ее соборность как одна из форм характерных начал европейской культуры, а также многонациональность и своеобразный дух поиска, связанный с неудовлетворенностью бытием. Четко определяя суть русской национальной самобытности, ученый считает, что наши национальные черты, особенности и традиции сложились под влиянием более широких культурных комплексов.

В своей культуре Россия всегда имела чрезвычайно мало восточного. Для нее гораздо большее значение имело противостояние Юга и Севера, чем Востока и Запада. Из Византии и Болгарии пришла на Русь духовная европейская культура, а из Скандинавии — языческая дружинно-княжеская военная культура. Русь логичнее было бы назвать в культурном отношении Скандовизантией, нежели Евразией.

Прослеживая генезис культуры Древней Руси, Лихачев считает особо важным приобщение славян к христианству, отмечая первое (до монгольского нашествия) и второе (после нашествия) греческое

и южнославянское влияния. Русь восприняла нашествие как катастрофу, как вторжение потусторонних сил, нечто невиданное и непонятное. Более того, длительный период после освобождения развитие русского этноса шло под знаком преодоления «темных веков ига» чуждой культуры. Именно в данный период происходит становление русской национальной культуры.

В более масштабном контексте генезис славянской культуры следует рассматривать во взаимосвязи с греко-византийским культурным комплексом. В момент своего становления на общенациональном уровне (XIV–XV вв.) русская культура несет в себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры, опирающейся на сложную культуру «старого Киева и старого Владимира», с другой — в ней явственно сказывается органическая связь с культурой всего «восточноевропейского Предвозрождения».

Несмотря на то что развитие русской культуры в то время происходило преимущественно в религиозной оболочке, в высших своих проявлениях его памятники позволяют говорить о внимании к личности, человеческом достоинстве, высоком гуманизме и других чертах, определяющих принадлежность Руси к еще более широкому — общеевропейскому культурному комплексу.

Здесь, видимо, пора сказать о работах Лихачева, посвященных Петровским реформам. Дмитрий Сергеевич считает общепринятую их трактовку — как культурный переход державы из Азии в Европу, совершенный по воле ее властителя, — одним из самых удивительных мифов, созданным, кстати, самим Петром. Он утверждает, что к приходу Петра на царствование страна и была европейской, однако в ней назрел переход от средневековой культуры к культуре Нового времени, что и осуществил великий реформатор. Для осуществления преобразований государю потребовались совершенно искаженные представления о предшествующей русской истории: «Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России косной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась. Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось сделать с такою энергией, что вся семивековая русская история была отвергнута и оклеветана».

Петровские реформы, по мнению ученого, могли бы состояться и без Петра, только длились бы значительно дольше. Они явились закономерным результатом всего предшествующего развития русской культуры. Личностное начало, признание ценности Человека, индивидуальные черты в идеологии, в стиле произведений, в характере творчества,

приведшие к профессионализации искусства, к появлению талантов и гениев, секуляризации культуры и тому подобному, — все это проявлялось на Руси постепенно. Глава государства ускорил происходившие в культуре процессы резкой сменой ее знаковой системы. Наиболее серьезными отличиями допетровской России от Запада той поры академик считает не бороды и одежду, а отсутствие собственной науки и университетов.

Вместе с тем следует отметить, что Дмитрий Сергеевич очень убедительно показывает ущербность представлений о допетровской Руси как крае и времени исключительно крестьянской культуры: в подобных взглядах нет места ни для «Слова о полку Игореве», ни для Андрея Рублева и Феофана Грека, ни для Сергия Радонежского; допетровская средневековая культура Руси была великой культурой. Другое дело, что настало время для ее перехода на новый этап развития.

Ну и, наконец, самый широкий контекст, в котором Дмитрий Сергеевич рассматривает нашу культуру, — глобальный. Отправной точкой для анализа он избирает первое большое историческое сочинение «Повесть временных лет» (XI в.). Варяги на севере, греки на берегах Черного моря, хазары, и иудеи, и магометане; тесные отношения Руси с финно-угорскими и литовскими племенами, чудью, мерей, весью, ижорой, мордвой, коми-зырянами, — и государство Русь, и его окружение с самого начала были многонациональными. В результате самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм. В этом смысле Россия — самая европейская страна в Европе. Ибо «европейская культура отличается именно тем, что она открыта к восприятию других культур, к их объединению, изучению, сохранению и отчасти усвоению».

Особое место в трудах Дмитрия Лихачева занимает культурологическое исследование Санкт-Петербурга. Его выводы проливают свет на многое. Ученый выделяет характерные только для Петербурга черты, свойственные «всем векам его существования». Это прежде всего — органичное сочетание в петербургской культуре лучшей европейскости и лучшей русскости. Петербург — «и чрезвычайно европейский, и чрезвычайно русский» город. По Лихачеву, уникальность Петербурга в том, что это — город общемировых культурных интересов, соединивший в себе градостроительные и культурные принципы различных европейских стран и допетровской Руси. При этом суть петербургской культуры — не в похожести на Европу, а в концентрации лучших сторон русской и мировой культуры. Важной особенностью Петербурга Дмитрий Сергеевич считал его научную связь со всем миром. Это тоже превращало Петербург в «город общемировых культурных интересов». Другая существенная сторона Петербурга — академизм во всех его проявлениях, «склонность к классическому искусству, классическим формам».

Академик отмечал, что в Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер.

Не случайно именно в Петербурге появился, получил развитие и особый, в ряде отношений высший «продукт» мировой культуры — интеллигенция. По мысли Лихачева — это одна из вершин развития европейской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Согласно определению, выработанному в наших университетских дискуссиях при активном участии академика, интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных».

Великие начинания Петра по преодолению отсталости от Запада в сферах науки и образования завершаются здесь безусловным и вполне очевидным успехом. Петербургская культура утверждает себя в качестве одного из высших проявлений культуры общемировой. Следует отметить, что данные воззрения на историю российской культуры даже при их определенной дискуссионности могут являться отправной платформой для дальнейшего развития теории педагогических систем в их общекультурном контексте переосмысления целей воспитания и другом, не говоря уже о совершенствовании отдельных предметных курсов.

Теперь хотелось бы вернуться к начатому выше разговору об уроках Лихачева в школах, точнее — об идее посвящения урока конкретному человеку, имя которого стало символом нравственных ценностей. Сама по себе эта идея, безусловно, не является совершенно новой для педагогики. Напротив, она существует столько же, сколько существуют обучение и воспитание. В ее основе — выбор идеала, воспитание примером. Наиболее ярко, последовательно и масштабно данная идея воплотилась в христианстве — единственной религии, в которой Богом является личность, избираемая верующими как идеал для подражания, с мифологизированным опытом которой сверяются мысли и поступки.

Фигура Христа стала своего рода центральным культурным элементом, своего рода «точкой кристаллизации», вокруг и от которой развивается последние две тысячи лет европейская культура. В контексте этого процесса развиваются европейские педагогические модели, занимающие ведущее место в настоящее время и в нехристианских культурах.

Совершенно очевидно, что этот уникальный опыт человечества вполне воспроизводим в более локальных масштабах при формировании отдельных субкультур. Это учитывалось в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в период с 1992 года по настоящее время. Речь идет о конкретном педагогическом эксперименте, который

частично отражен в ряде публикаций, не раз становился предметом специального анализа Президиума РАО и в целом заслуживает отдельного разговора. Тем не менее представляется уместным познакомить читателей с некоторыми аспектами данного эксперимента применительно к обсуждаемой проблематике, поскольку, по существу, урок Лихачева ведется в СПбГУП уже 15 лет.

Данный эксперимент Президиумом РАО признан успешным. Коллегами отмечен стремительный рост СПбГУП от обычного по ленинградским меркам учебного заведения до одного из лидеров отечественного высшего образования. О том же говорит беспристрастная статистика государственных органов: за последние 15 лет СПбГУП практически по каждому из показателей госаккредитации вышел на уровень ведущих вузов страны. Ежегодно на биржу труда обращается менее 1 % наших выпускников. Уверенный карьерный рост выпускников подтверждается независимыми социологическими исследованиями. Эти результаты во многом связаны с особой ролью личности Дмитрия Лихачева, реализованной в университетском сообществе благодаря специально разработанным педагогическим технологиям.

Опыт совместной работы с Дмитрием Сергеевичем побуждает ко многим размышлениям на профессиональные темы: как реформировать средний по уровню вуз, перевести его в иное качество? Как создать творческую обстановку, привлечь научные светила и использовать их присутствие, превращая институт в университет? Как сформировать новые традиции и сделать их фактором повышения качества работы?

Надо сказать, что СПбГУП последние 15 лет исповедует и отстаивает свой путь, свое видение университетского образования в России. Это видение во многом сформировалось под влиянием и при непосредственном участии Д. С. Лихачева.

Приход академика Лихачева в наш университет в начале 1990-х годов представляется закономерным. В советское время, уже будучи академиком, Дмитрий Сергеевич много воевал с начальством, защищая культуру и природу, используя для этого весь свой авторитет. Уже в 1970-е годы он завоевал в среде интеллигенции репутацию защитника национальных святынь и человека прогрессивных взглядов. С приходом к власти Горбачева данный образ академика стал доступен широким массам. В начале демократических преобразований Д. С. Лихачев активно поддерживал перестройку, но в начале 1990-х годов понял, что общее направление перемен может принести неисчислимые беды народу. Наступило разочарование. В этот период он и знакомится с нашим вузом.

В СПбГУП Лихачев увидел тогда один из немногих, но ярких примеров перемен к лучшему, конкретное свидетельство того, что его усилия были не напрасны. Это же привлекало к нам первого мэра города Анатолия Собчака и многих других. С начала 1990-х годов бывать в нашем

вузе стало интересно. Сюда потянулись выдающиеся отечественные интеллектуалы: Александр Зиновьев, Юрий Осипов, Юрий Афанасьев, Александр Панченко, Николай Скатов, Борис Васильев, Григорий Бакланов и многие другие — обсудить проблемы гражданского общества, судьбы интеллигенции, взаимосвязь экономики, нравственности и культуры, пути реформирования образования. Крупные, мыслящие люди страны стремились использовать СПбГУП как трибуну для изложения своих взглядов: от Гавриила Попова, Галины Старовойтовой до Анатолия Лукьянова и Геннадия Зюганова.

Через пять лет работы в СПбГУП академик счел необходимым в одном из телеинтервью сказать следующее: «Думаю, что это — университет будущего. Он очень мобильный, способный на эксперименты, а в образовании эксперименты очень нужны. Этот вуз откликается на новые идеи, он живой, там живая наука. Кроме того, творческие процессы — театральные, балетные, музыкальные — сочетаются в нем с научным изучением искусств. Это очень важно». Учитывая, что в 1992 году мы первыми в стране ввели платное образование, начали заключать договора на обучение с частными лицами и с тех пор подвергались всевозможным нападкам, Дмитрий Сергеевич неожиданно продолжил в нашу защиту: «Так что если у родителей есть возможность заплатить за воспитание собственных детей, за обучение в этом университете, то это лучший способ потратить деньги, получить от них достойную отдачу».

Продуктивность перемен в СПбГУП была обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, наше учебное заведение было малоизвестным, но серьезным центром гуманитарного знания — лучшим на тот момент российским вузом культуры. Не зря наши выпускники занимали ключевые должности в сфере культуры ряда соцстран и практически всех республик СССР. В Ленинграде крупнейшие учреждения культуры, такие как БКЗ «Октябрьский», ДК им. Ленсовета, Выборгский ДК и другие, и сегодня возглавляются нашими выпускниками той поры. К моменту распада СССР здесь собралась незаурядная профессура. Малоизвестность же учреждения объяснялась закрытым характером международной профсоюзной системы подготовки кадров.

Во-вторых, в момент слома социалистической системы, в суматохе и неразберихе нам удалось добиться реальной вузовской автономии. Мы перестали обращать внимание на идеологические инстанции. Почти сразу же открылась кафедра культурологии, на которую пришли С. Н. Иконникова и М. С. Каган. В вузе появились и другие новые крупные ученые: один из основоположников отечественной социальной психологии Б. Д. Парыгин, академик-педагог А. В. Даринский, юрист-международник И. Е. Тарханов и т. д. Создалась динамичная и свободная обстановка, как будто бы в давно запертом помещении вдруг отомкнули двери и широко распахнули окна, ворвался свежий ветер. Мы внедрились

механизмы самофинансирования, что закрепило нашу самостоятельность. Таким образом, с 1991 года наш вуз стал и до сих пор остается независимым от любых внешних сил в плане подбора кадров, научной и духовной жизни.

Разумеется, наши учредители (профсоюзы) серьезно контролируют работу вуза, особенно в финансово-хозяйственной сфере, а министерство проверяет соблюдение госстандартов и других норм. Но этот контроль осуществляется не оперативным вмешательством, а по соответствию результатов работы уставным целям и задачам.

Идея избрать Д. С. Лихачева почетным доктором СПбГУП родилась не случайно. Дело в том, что у нас вызвало озабоченность стремительное разрушение советской системы воспитания и отсутствие какой-либо ее замены. Как известно, педагогический процесс (если он есть) представляет собой систему, важнейшим элементом которой является цель воспитания. Формирование же цели предполагает наличие идеалов. Люди, разрушавшие Советский Союз, начали с разрушения идеалов советского времени. Образовалась очень опасная пустота, в которую стремительно входили чуждые нашим представлениям о жизни ценности.

В связи с этим мы посчитали очень важным представить университетскому сообществу персонифицированные символы, воплощающие традиционные для человечества ценности, — людей, которые были бы официальным образом провозглашены вузом в качестве своих идеалов. И Лихачев удивительно подходил для этой роли. Несмотря на все кипение политических страстей того времени, Дмитрий Сергеевич оказался как бы вне политики, вернее — над политикой. В пору всеобщего смятения умов он стал олицетворением идеи служения вечным, абсолютным ценностям. Его научный и нравственный авторитет в обществе был безупречен.

Самому Лихачеву эта идея понравилась по другой причине. Он хотел поддержать динамично развивающийся, реформируемый университет. Дело в том, что многим в нашем городе было непонятно, что происходит в СПбГУП. А мы создавали принципиально новую модель университета, в основе которой лежала опора на лучшие достижения отечественной и мировой культуры. Эту модель мы назвали культуроцентристской. Радикальному реформированию подвергались юридическая и экономическая сферы жизни вуза, система воспитания, взаимоотношения между педагогами, студентами и администрацией и многое другое. Общественное мнение неоднозначно ко всему этому относилось. Одним было в принципе ненавистно наше уверенное движение вперед, другие откровенно завидовали чужим успехам, третьи опасались конкуренции и т. д. В этой обстановке Дмитрий Сергеевич счел нужным положить свой авторитет на нашу чашу весов. Характерно, что академик Лихачев за всю свою жизнь принял мантии 19 зарубежных вузов и только одного — российского.

Отношения Лихачева с университетом были многогранными: выступления перед студентами, участие в научных конференциях и дискуссиях, научные исследования. Дмитрий Сергеевич рекомендовал к нам на работу профессуру, консультировал в создании и поддержке университетских традиций, обсуждал стратегию развития СПбГУП. Университет становится в это время едва ли не единственным местом его систематических встреч с широкой аудиторией. Здесь он излагает свои взгляды профессуре и студенчеству, внимательно изучая отклики.

В апреле 1999 года по инициативе Дмитрия Лихачева и Даниила Гранина осуществили регистрацию «Конгресса петербургской интеллигенции». В него вошли в качестве учредителей также Жорес Алферов, Андрей Петров, Михаил Пиотровский и Кирилл Лавров. Создание Конгресса стало неким оформлением уже вполне сложившейся к тому моменту традиции собираться вместе для обсуждения волнующих нас проблем.

В середине 1990-х годов нам удалось организовать ряд общественных дискуссий по проблемам интеллигенции с участием, пожалуй, самых значительных российских мыслителей того времени. Ученые Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин, Владимир Ядов, Николай Скатов и писатели Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожин и другие собирались для того, чтобы в своем кругу найти современные ответы на некоторые старые вопросы. Роль Лихачева в этом общении стала ведущей. Иногда такие встречи проходили во дворце Белосельских-Белозерских. Материалы этих дискуссий были опубликованы в книге «Судьба российской интеллигенции» в 1999 году. В них отражено современное (постсоветское) научное понимание сути интеллигенции, ее места и роли в развитии общества.

Думается, есть глубокая логика в том, что, получив блестящее университетское образование и проявив себя в качестве выдающегося деятеля академической науки, Дмитрий Сергеевич на завершающем этапе жизни снова приходит в университет: связь времен не должна распадаться, страна должна прирастать новыми университетами и новыми Лихачевыми.

Слова Д. С. Лихачева: «Я чувствую себя сегодня в Университете XXI века», которыми он начал свою актовую лекцию в 1993 году, стали для нас руководством к действию. В своем развитии Гуманитарный университет профсоюзов, с легкой руки своего первого почетного доктора, осознал и сотворил себя «университетом будущего», лидирующим в российском университетском сообществе, предвосхищающим, иницилирующим и реализующим позитивные тенденции в современном мировом образовательном процессе.

Необходимо отметить, что, давая согласие принять диплом и мантию почетного доктора Гуманитарного университета профсоюзов, Д. С. Лихачев, очевидно, ассоциировал наш вуз с теми своими идеями, которые позволяли ему быть «абсолютно уверенным» в будущем российского высшего образования, шире — в будущем российской науки и культуры даже в очень непростой для нашей страны период 90-х годов XX столетия.

С тех пор Университет был его постоянной трибуной, и то, что прозвучало с этой трибуны, мы с полным правом можем назвать научным и нравственным завещанием нашего великого современника.

Дмитрий Сергеевич стал персонифицированным идеалом нашего Университета. К тому времени благодаря своей общественной деятельности он уже фактически стал светлым символом, идеалом современника для миллионов россиян. В пору всеобщего смятения умов он стал олицетворением идеи служения вечным, абсолютным ценностям. Его научный и нравственный авторитет в обществе был безупречен.

Близкие Дмитрию Сергеевичу люди помнят, что в последние годы он избегал пышных мероприятий с пространными речами. Местом встреч с широкой аудиторией он избрал Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Сюда он приезжал по зову души, участвовал в научных чтениях, выступал перед студентами, будучи убежден, что именно в этом университете формируется новая российская интеллигенция. Здесь он чувствовал себя просто и естественно.

Незадолго до ухода Дмитрия Сергеевича из жизни Университет приступил к съемкам документального фильма о нем. В одном из последних интервью Дмитрий Сергеевич обращается к молодому поколению с напутствием: «Спешите учиться, спешите получать образование... Образованность — это основа умения честно прожить жизнь, насладиться ею, получить радость от познания мира...». Эти слова звучат как определение смысла человеческой жизни.

Литература

1. *Лихачев Д. С.* Декларация прав культуры / Д. С. Лихачев. — СПб., 1996.
2. *Лихачев Д. С.* Заветное / Д. С. Лихачев. — М., 2006.
3. *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре / Д. С. Лихачев. — СПб., 2006.
4. Дмитрий Сергеевич Лихачев / вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц, М. А. Салминой. — М., 1989.
5. *Лихачев Д. С.* Память истории священна / Д. С. Лихачев // Наше наследие. — 2001. — № 59–60. — С. 94–100.
6. *Лихачев Д. С.* Письма о добром / Д. С. Лихачев. — СПб., 2006.

7. *Лихачев Д. С.* Раздумья / Д. С. Лихачев ; сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. — М., 1991.
8. *Лихачев Д. С.* Сады Лицея / Д. С. Лихачев // Пушкин: исследования и материалы. — Л., 1979. — Т. 9.
9. Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. — СПб., 2006.
10. *Лихачев Д. С.* Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. — М., 1990.
11. *Лихачев Д. С.* Я вспоминаю / Д. С. Лихачев. — М., 1991.
12. Гуманитарные проблемы современной цивилизации : VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. — СПб., 2006.
13. *Гусейнов А. А.* Культурология Дмитрия Лихачева : коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий. — СПб., 2006.
14. *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев — выдающийся гражданин, просветитель, ученый / А. С. Запесоцкий // Вестник РАН. — 2006. — № 11.
15. *Запесоцкий А. С.* Культура как смысл жизни / А. С. Запесоцкий // Звезда. — 2006. — № 11.
16. *Запесоцкий А. С.* Обеспечение качества высшего гуманитарного образования : выездное заседание Президиума Российской академии образования 14 декабря 2005 г. / А. С. Запесоцкий. — СПб., 2006.
17. *Запесоцкий А. С.* О научном наследии Дмитрия Лихачева / А. С. Запесоцкий // Вопросы литературы. — 2006. — № 6.
18. *Запесоцкий А. С.* О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева / А. С. Запесоцкий // Вопросы литературы. — 2006. — № 12.
19. *Лебедев О. Е.* Уроки Лихачева для детей и взрослых / О. Е. Лебедев // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 29 авг.
20. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002.
21. *Санкин Л. А.* Академик и Университет / Л. А. Санкин // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 1 сент.
22. Судьба российской интеллигенции. — СПб., 1999.
23. Уроки Лихачева : метод. рек. для учителей сред. школ / сост. О. Е. Лебедев. — СПб., 2006.
24. *Milner-Gulland R.* Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) / R. Milner-Gulland // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. — Vol. 6, № 1. — P. 141–150.